

1940
№ 4³

3-й экз.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СОЮЗА СС

Военно- исторический журнал

1940

— ВОЕНИЗДАТ —

3-й экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Военно- исторический журнал

ОРГАН
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

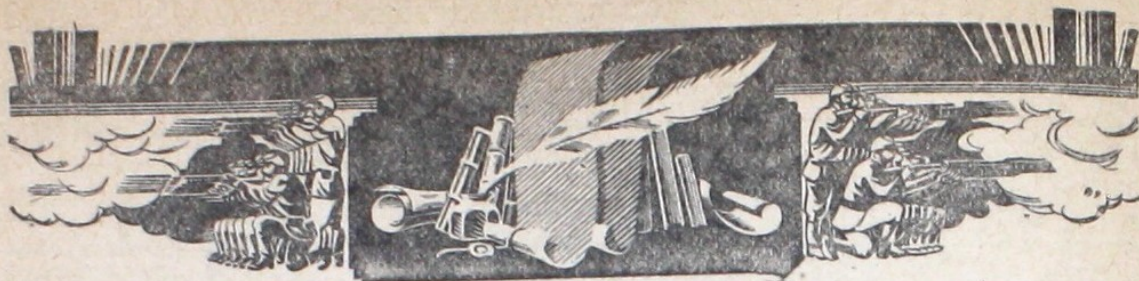
№ 4 (9)

АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1940

Академик Е. ТАРЛЕ.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В ПЕРВЫЕ же годы после падения наполеоновской империи перед всеми великими державами — Англией и Францией, Австрией и Пруссией — встал грозный вопрос: не пойдет ли император российский по пути Наполеона? Наполеон проложил дорогу, он показал впервые в истории, что возможна попытка всеевропейского владычества. Нельзя было даже сказать, что эта попытка вовсе не удалась, потому что он все-таки долгие годы деспотически царствовал над Европой. Что будет, спрашивали себя западноевропейские дипломаты, если эту попытку повторит Александр или кто-либо из его русских преемников?

Это беспокойство начало принимать конкретные формы в первые же годы после свержения Наполеона, и уже тогда стал формироваться план, который сорок лет спустя привел к крымскому взрыву. В 1816 г. произошел один многознаменательный разговор, повторенный затем в 1819 г. Говорил Эстергази, австрийский посол в Лондоне, слушал лорд Кэстльри, английский статс-секретарь по иностранным делам.

Представьте себе, говорил Эстергази, что Россия решила завладеть Турцией и двинула свои войска в пограничные с нею турецкие области, т. е. Молдавию и Валахию. Что нужно сделать Европе, чтобы спастись от угрозы водворения на всем Востоке русского владычества? И австрийский посол выдвигал следующий план, который благосклонно выслушивал его собеседник: Австрия должна немедленно выступить и соединиться с Турцией, чтобы изгнать русские войска из Молдавии и Валахии или по крайней мере удержать их на известном рубеже. В это же время англо-французский флот должен пройти через Дарданеллы и Босфор в Черное море и направиться к Севастополю.

Можно подумать, что этот разговор — какая-то позднейшая интерполяция, вставленная фальсификатором в документы 1816—1819 гг. Но нет, этот разговор происходил на самом деле. И происходил он в «лучшие времена» священного союза, когда глава Австрийского государства Меттерних и русский император Александр I в самом тесном содружестве проводили свою всеевропейскую реакционную политику. А ведь Эстергази излагал толь в толь именно все то, что случилось на самом деле 40 лет спустя.

В те годы планы Эстергази еще не имели под собой реальной почвы. Возникала другая, общая для всех коронованных правителей Европы тревога: то в одном, то в другом месте вспыхивало пламя революции, надо было его тушить, и рано было тогдашним государям ссориться. Но время шло, и в конце двадцатых годов произошла русско-турецкая война.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. была событием, поглотившим внимание всей Европы. Русская армия, как всегда, очень храбро сражалась, но оказалась плохо организованной; медицинская часть решительно никуда не годилась, оружие было старое, дрянное, воровство интендантов дошло до крайней степени. Австрийцы знали, что, несмотря на победы, русская армия находилась в тяжелом положении и, если бы у турок была хорошая разведка, еще неизвестно, чем бы кончилась кампания в самый последний момент, когда русские уже стояли в Адрианополе.

Все это утешило австрийских дипломатов и несколько ослабило их беспокойство по поводу возможного в будущем нового нашествия русских на Молдавию и Валахию. Но в Англии, где политическая жизнь была гораздо активнее, где дипломаты привыкли смотреть на вещи более реально, никто не был спокоен. Английский министр иностранных дел Пальмерстон, который оставался фактически и руководителем дипломатии даже в те промежуточные времена, когда пребывал в отставке, настойчиво следил за русской политикой на Востоке.

События 1833 г. показали, что Пальмерстон был прав. Эти события вкратце заключались в следующем: правитель Египта Мухаммед-Али, вассал турецкого султана Махмуда, восстал против него и пошел войной на Турцию. Египетская армия постепенно приближалась к Константинополю. Махмуд бросался во все стороны, ища помощи. Когда он обратился к Пальмерстону, последний выразил свое сочувствие и уверил, что он прислал бы помощь, но боится, что скажут магометане о таком вмешательстве в их внутренние дела. Пальмерстон оказался больше магометанином, чем сам Махмуд, и никакой помощи туркам не прислал. Султан был вынужден обратиться к Николаю I.

Когда спустя много лет, перед смертью Махмуда, английский дипломат спросил у него, каким образом он мог решиться на такой поступок — на обращение к русскому царю, — Махмуд ответил: когда человек тонет и совсем уже погибает, то хватается уже не то что за соломинку, а даже за змею, если она лежит рядом на берегу.

Николай прислал войска и дал оружие. За эту помощь он согласно Ункяр-Искелессийского договора получил право протектората над православными подданными султана, другими словами, получил возможность вмешательства в турецкие дела. Вместе с тем турецкое правительство обязывалось закрыть Дарданеллы и Босфор для судов любой державы, кроме России.

Уже тогда Пальмерстон начал дипломатическую подготовку войны против России. Вскоре после Ункяр-Искелессийского договора он обмолвился одной характерной фразой. Она особенно интересна для нас потому, что совсем недавно в английском парламенте хвалили нынешнего премьера Чемберлена, продолжающего «славные традиции» великих министров вроде Питта и Пальмерстона. Вот что ответил этот «великий предшественник» Чемберлена, когда его укоряли в медлительности, в том, что Англия не выступает против России.

«Нет страны на свете, — сказал Пальмерстон, — которая меньше теряет от войн, чем Англия, поэтому смешно говорить, будто Англия боится войны».

И он был прав. Англия привыкла «меньше всех терять от войны», потому что сама она по существу тратила на войну мало своей крови. По мнению Пальмерстона, искусство дипломатии в том и должно было заключаться, чтобы Англия не воевала сама, а заставляла воевать других. Следовательно, надо было найти союзников, которые взялись бы воевать против России вместе с Англией и приняли бы на себя главные удары русских. Такими союзниками Англии могли быть только два государства: Австрия и Франция. Но с Францией уже с конца 20-х годов XIX в. отношения стали портиться. Франция начала захватывать Алжир,

вела кровавые войны с туземцами — арабами в Африке. Это, с одной стороны, отплекало Францию от европейских дел, а, с другой — заставляло англичан следить за экспансией Франции в Северной Африке с нескрываемой враждой. К тому же времени относятся противоречивые стремления и Пальмерстона, а также и Луи-Филиппа путем заключения различных брачных союзов направить в свой фарватер Испанию. Борьба Англии и Франции за Испанию чуть не привела к разрыву дипломатических отношений между этими двумя государствами.

«Кандидатом в союзники» для Англии оставалась, таким образом, только Австрия. С самого начала было ясно, что всякий союзник Англии, который будет воевать против России, возьмет на себя главную роль, хочет он этого или не хочет. Если Австрия соединится с Англией, то, разумеется, русская армия окажется опасной именно для Австрии, а во все не для Англии. Пальмерстон это прекрасно учитывал. Были пущены в ход все пружины, чтобы привлечь Австрию в качестве будущей союзницы против России. Это казалось Пальмерстону тем более кстати, что именно Австрия, как сказано, в свое время, в 1816—1819 гг., наметила план будущей войны с Россией. Союз с Австрией казался для Англии наиболее реальным. Но и здесь возникли неожиданные препятствия.

Глава и вдохновитель австрийской дипломатии канцлер Меттерних был достаточно умным человеком, чтобы не заметить нового крупного революционного подъема в Европе. Он видел, что 30-е и 40-е годы — это не 20-е годы и без Николая бороться против усиливающейся «гидры революции» будет гораздо труднее.

Анализируя этот период истории, Маркс и Энгельс с предельной четкостью указывали, что европейская реакция без русской помощи устоит недолго, а если и устоит, то непременно окажется на одном, а может быть, и на двух костылях. Меттерних это тоже чувствовал. Он знал, что как ни страшно было допускать Россию к территориальной экспансии, но еще страшнее было лишиться ее поддержки в борьбе против революции.

Нас, современников, переживших «ряд волшебных изменений» английской дипломатии в 1938—1939 гг. и в первые месяцы 1940 г., может заинтересовать одна характерная историческая подробность: к концу 40-х годов XIX в. проявляется, казалось бы неожиданно, ярая ненависть Пальмерстона и всего его окружения к Меттерниху. Он возненавидел Меттерниха более горячо, чем самый ярый революционер, и возненавидел именно за то, что тот не пожелал воевать с Россией и тем самым «обманул его ожидания». Эта ненависть была до такой степени сильна, что бросалась в глаза.

Итак, пока у англичан отпал и этот союзник. Между тем наступил 1848 год. Революция 1848 г. изменила все отношения между европейскими державами.

* * *

Когда грянула февральская революция 1848 г. в Париже, то в первый момент правители других стран не представляли себе, насколько велика ее всесокрушающая сила. Но прошло всего несколько дней, и обнаружилось то, чего не было ни в 1789 г., ни в 1830 г.: революция разразилась в Берлине, в Вене, в ряде германских государств и победила сразу. Против нее оказался бессильным даже Меттерних, который, кстати сказать, всерьез верил, что сам бог в своей великой благости послал его, князя Клементия Меттерниха, для подавления гидры революции и что этот факт, бесспорно, доказывает вмешательство небесного провидения в дела земной юдоли. Но вот наступили мартовские дни 1848 г., и этот «посланник божий» совершает «исторический жест», который много лет спустя был в точности повторен Керенским: он переодевается в женское платье и во всю прыть бежит из своей столицы — Вены.

Тревожные известия обрушивались на Николая I одно за другим и буквально потрясали его. Ему представилось, что революция уже стучится и в его двери. Николай I растерялся, что с ним не часто случалось, потому что при всех своих недостатках, он был человеком сильной воли и умел не выдавать своего волнения. В доверительных своих письмах к Паскевичу он не скрывал жесточайшей тревоги.

Но опасения Николая оказались напрасными. Прошли первые четыре месяца революции, наступили кровавые июльские дни того же 1848 г. Военный диктатор Кавеньяк с беспримерной жестокостью подавил восстание парижских рабочих. Николай шлет ему горячее приветствие. Он один из первых понял, что на этот раз революция сломлена. И действительно, революционный порыв стал постепенно выдыхаться во всех странах Европы.

В 1849 г. Николай послал русские войска в Венгрию, где еще держались революционеры, чтобы уничтожить этот последний очаг революции. После венгерского похода в дни окончательного торжества европейской реакции, в сознании Николая происходит коренной поворот. Он остается человеком с теми же устремлениями, но совершенно по-другому начинает оценивать себя и окружающий мир. До сих пор Николай был осторожен, он лучше других понимал, что победа над Турцией в 1829 г. чуть было не оказалась поражением России. С тех пор он не начинал уже больших войн. Велась лишь перманентная война с горцами за овладение Кавказом. Начиная же с 1850—1851 гг. у Николая созревает представление, которое он не раз открыто высказывал: все державы, пережившие революционный катаклизм, по существу — державы «израненные». Они еще не вышли в тираж, не сданы в архив истории, они еще живы, но им понадобится большой срок, чтобы притти в себя и потому пока что они воевать не могут. Остались только две державы, прочно стоящие на ногах и имеющие большую военную значимость, — это Англия и Россия. Николай I был вполне убежден в том, что Австрия не может воевать. Мало того, забегаю несколько вперед, нужно сказать, что он был уверен, что Австрия не захочет воевать против России. «Я только что спас Австрию. Австрия и я это одно и то же, мы совершенно идентичны». Это он сказал в начале 1853 г.

Оценивая своих возможных военных противников в борьбе против Турции, Николай считал, что никто, кроме Англии, не сможет воевать против России. Пруссия не выступит — она далека от восточных дел и слишком еще слаба. В этом вопросе Николай I не ошибся. Известно, что сам Бисмарк, говоря как-то о Крымской кампании, заявил, что Пруссия во время этой войны вела себя, как «пудель, потерявший хозяина», который бросается растерянно за всяким прохожим и не знает, к кому ему по-настоящему пристать.

Францию Николай I также не считал для себя в тот момент достаточно серьезным противником. Как верный защитник реакции в Европе, он был в восторге от переворота, который произвел Луи-Наполеон, захвативший власть 2 декабря 1851 г. Внезапное установление фактического самодержавия в том самом Париже, где еще недавно раздавались призывы не только к демократической, но даже к социалистической республике, привело в уныние и даже в отчаяние всю революционную общественность Европы. Только Маркс, Энгельс и небольшая группа их друзей понимали, что торжество реакции не может быть вечным. Николай I ликовал и приветствовал Луи-Наполеона сначала безоговорочно, а потом, правда, с некоторыми оговорками. Ему не понравилось, что Луи-Наполеон, провозгласив себя в 1852 г. «императором французов», нарушил тем самым волю Священного союза и Венского конгресса, который «навсегда» отстранил в 1815 г. от престола династию Бонапартов. Мало того, Луи-Наполеон назвал себя Наполеоном третьим, хотя второго по существу и не было, показывая этим, что он считает законным

государем сына Наполеона I, умершего в молодых годах и никогда не правившего Францией.

Но в конечном счете Николай I был доволен тем, что во Франции установилось самодержавие, и не придавал особого значения разным мелким формальностям. Гораздо больше его интересовал вопрос, какова будет внешняя политика нового самодержавного монарха и сможет ли он помешать русскому походу против Турции. И Николай приходил к выводу, что новый император еще слишком занят своими внутренними делами и поэтому тоже может быть снят со счетов.

Весь этот ход рассуждений привел Николая к тому роковому шагу, который он сделал в начале зимы 1853 г. На балу у великой княгини Елены Павловны Николай неожиданно подошел к английскому послу Сеймуру и завел с ним долгий разговор. Он начал с того, что Турция, по его мнению, безнадежно больна. Конечно, можно было бы оказать ей ту или иную помощь, но это ни к чему не приведет, она безнадежно разлагается и ее неизбежно растащат на куски ее же вассалы и правители отдельных провинций. Поэтому необходимо подумать о наследстве этого «больного» на случай его скоропостижной кончины. Тут же Николай сказал, что об Австрии нечего говорить, что он так или иначе с ней поладит, ибо «австрийские интересы и мои — идентичны». Что касается Франции, то ее тоже в расчет принимать не следует, о других странах и говорить нечего. «Англия и я, вдвоем можем сделать все, что нам будет угодно». «Англия и я» — это были его подлинные слова. Николай Павлович тогда не понимал, какую смертельную опасность для него таил этот разговор. Сеймур, как и следовало ожидать, заявил, что он передаст обо всем своему правительству.

В связи с этим дипломатическим разговором крайне интересно отметить одну деталь, которую почему-то забывают упомянуть многие историки дипломатии. Судя по некоторым сохранившимся документам и по воспоминаниям современников Сеймура, можно сделать вывод, что английский посол был в отчаянии от того, что затевал Николай. В отчаянии потому, что боялся за самого Николая I. Этот «жандарм Европы» был еще слишком нужен не только для стран европейского континента, но и для островной Англии, которая отнюдь не была застрахована от революции.

О беседе Николая I с Сеймуром сразу узнали дипломаты всей Европы, не только в Лондоне, но и в Париже, в Берлине и прежде всего в Константинополе. И сразу же обнаружились огромные размеры содеянной Николаем ошибки. Англия ответила ему отказом.

Чем же был вызван этот отказ? Ведь Николай в разговоре с Сеймуром дал понять, как должен быть, по его мнению, проведен дележ. Он ничего не имел против того, чтобы Англия забрала себе Египет, Месопотамию, часть Аравии. Россия овладевает сопредельной частью Турции и проливами. Константинополь может остаться нейтральным. Что значит такая «нейтральность», англичане прекрасно понимали. Ясно, что, владея Дарданеллами и Босфором, русские были бы фактическими хозяевами Константинополя.

При таком дележе Россия на Ближнем Востоке оказалась бы уже в силу географических условий гораздо сильнее Англии. Это учитывал руководитель английской дипломатии Пальмерстон. Он боялся дележа Турции не с точки зрения экономики, а с точки зрения политики и стратегии. Если русские, рассуждал он, сегодня заберут Малую Азию, то завтра решительно никто не удержится против них в Месопотамии, они вытеснят всех, кто окажется между Средиземным морем и Черным. Они могут это сделать не сегодня, но завтра или послезавтра, и англичане никогда не будут в состоянии перевезти к границам Кавказа такую громадную армию, которую сможет выставить против них Николай. В конечном итоге вся Турция окажется в руках Николая.

Пальмерстон настаивал на решительном отпоре России. Но далеко не все в английском кабинете были с ним согласны. Возражал Пальмерстону и первый министр лорд Эбердин, находившийся под влиянием известного экономиста и приверженца свободы торговли Кобдена. Кобден выступил даже в свое время со специальной брошюрой на тему о том, пускать или не пускать Россию в Турцию. Он отвечал на этот вопрос положительно и подтверждал экономическими соображениями свой вывод о том, что англичанам незачем воевать с Россией из-за Турции. Промышленный переворот XVIII в. сделал Англию владычицей мировой торговли. В этой области Англия не боялась конкуренции. Она заполняла своими изделиями рынки всех стран мира. Что же мы теряем, спрашивал Кобден, если даже русские захватят Константинополь? Как ни дурна русская полиция, она все же лучше турецкой, а для торговцев важно, чтобы в стране, с которой они имеют дела, царил порядок. Русский порядок — понятие очень относительное, но он все же лучше турецкого беспорядка. Так примерно рассуждал Кобден. Лорд Эбердин не поддерживал его целиком: он считал дележ Турции неприемлемым, но полагал, что обнажать меч из-за Турции не следует.

Пальмерстон отвечал на это уничтожающими филиппиками. Он обрушивался на Кобдена и на стоящего за Кобденом лорда Эбердина со всей силой своей ядовитой злобы, указывая, что дело идет не только о торговле и промышленности, а о самом существовании Британии как великой мировой империи. Русские, захватив Константинополь, не удовлетворятся ролью полицейских, охраняющих английских купцов. Они пойдут в Персию, а через Персию еще дальше, может быть даже в Индию... Он не называл Эбердина по имени в этой полемике, но парламент понимал, что речь идет не об одном Кобдене.

Что же делала сама Турция в то время, как в Англии с такой горячностью обсуждалась ее судьба? В Константинополе находился посаженный туда Пальмерстоном посол Стрэтфорд-Каннинг — личность, игравшая большую роль в подготовке Крымской кампании.

Чрезвычайно любопытно, что Пальмерстон в свое время (еще в 1832 г.) пытался направить Стрэтфорд-Каннинга, очень умного и энергичного человека, послом в Петербург, но Николай I отклонил эту кандидатуру, зная враждебное отношение Стрэтфорд-Каннинга к России, а также его незаурядные шпионские таланты. В этом вопросе коса нашла на камень, потому что если у Пальмерстона характер был твердый и решительный, то у Николая Павловича твердости тоже хватало с избытком. Стрэтфорд-Каннинга так и не допустили в Петербург, а Пальмерстон, рассерженный этим противодействием, послал его с дипломатическими поручениями по разным странам Европы (прежде всего в Испанию), причем в документах Стрэтфорд-Каннинг именовался «послом Англии при императоре всероссийском», хотя никогда ему таковым не пришлось быть.

Пальмерстон не ошибся в своем ставленнике. Назначенный впоследствии послом в Константинополь, Стрэтфорд-Каннинг проявил себя как маэстро международного шпионажа, и скоро стал распоряжаться в столице Турции, как у себя дома.

Тут мы переходим к деликатному вопросу, о котором английские историки обычно умалчивают. Турки боялись своих «защитников», как огня. Стрэтфорд-Каннинга они называли падишахом падишаха, ибо он действительно распоряжался падишахом, как хотел. Сам Стрэтфорд-Каннинг был весьма доволен своим положением в Константинополе и считал, что у него немало заслуг перед турецкой общественностью. Он был очень поражен, когда под конец жизни, читая мемуары других дипломатов, узнал истинное мнение турок о себе. Турки выражались так: «Есть только одно явление на свете, которое превосходит своими размерами нахальство Стрэтфорда — это его лживость».

Когда появилась угроза войны, Стрэтфорд-Каннинг начал всячески торопить султана с различными реформами, которые должны были, по мнению англичан, укрепить Турцию, а заодно усилить влияние Англии и утверждать ее право вмешиваться в турецкие дела. Хлопоча об этих реформах, Стрэтфорд-Каннинг не остановился даже перед тем, чтобы путем разных интриг сместить визиря-султана Риза-пашу и заменить его другим, более послушным Решид-пашей. Когда впоследствии спросили Риза-пашу, почему он так противился реформам, тот, как гласит предание, ответил: англичане хотят учить турок, но что сказать об учителе, который в виде гонорара за науку отрезает своему ученику сперва одну ногу, потом другую, затем снова учит и отрезает руки, а когда уже больше нечего резать, то снимает прочь и голову? Риза-паша сказал, что столь дорогая плата европейским учителям за науку совершенно не устраивает Турцию.

Дело близилось к развязке. На стороне Пальмерстона оказалось явно больше сил, чем на стороне лорда Эбердина. Это было первым громовым ударом для Николая I. Но еще более страшным и неожиданным ударом оказалась для него политика Луи-Наполеона.

Николай не сумел разгадать нового французского монарха и в результате оказался в критическом положении. Он не видел, что именно внутренняя обстановка во Франции толкала Луи-Наполеона на путь внешних авантур. Это казалось новому императору лучшим средством для того, чтобы отвлечь внимание от недавнего переворота, погасить воспоминания о республике, а заодно покрыть себя военной славой, укрепиться на французском престоле и приковать к трону наградами и милостями офицерский корпус и генералитет. Но Наполеон III и его сановники искали для этой цели войны заведомо успешной. Наиболее легкой им казалась война, в которой на стороне Франции участвовала бы Англия.

Готовясь к войне с Россией, Наполеон тем самым несколько выигрывал и в отношениях к революционным группировкам во Франции. Он понимал, что революционеры могут ему многое простить за войну с Николаем I, который из двух зол казался, бесспорно, большим и представлял собой оплот мировой реакции. Так оправдалось предвидение Маркса и Энгельса, которые задолго до этого учитывали возможность столкновения двух деспотов — восточного и западного, причем, повидимому, полагали, что революция от этого только выиграет, так как один из этих деспотов во всяком случае не устоит.

Таковы были обстоятельства, которые с неизбежной последовательностью толкали Наполеона III на войну с Россией.

В многочисленных исторических высказываниях можно прочесть немало нелепостей по поводу причин Крымской кампании. Все эти рассуждения, будто Наполеон III обиделся на Николая I за то, что тот именвал его «мой добрый друг» вместо «мой дорогой брат», конечно, не имеют никакой цены. Ничего не стоят и пустейшие рассуждения о том, что Наполеон III поссорился с Николаем из-за ключей от гроба господня или из-за привилегий католических монахов перед православными в Иерусалиме. Дело было, конечно, не в этом, а в тех внутренних причинах, ради которых так называемая вторая империя искала войны.

В свою очередь и для Пальмерстона было ясно, что столь удачное для Англии соотношение сил, когда Франция с ней в союзе, может не повториться и такого случая упускать нельзя.

Когда Николай увидел, что не только Англия, но и Франция готовят ему отпор, он, повидимому, начал понимать размеры содеянной им ошибки. Николай имел еще время, чтобы отступить, но отступить ему уже не позволили. Английские и французские дипломаты прямо вели дело к развязке. Они буквально стерегли каждый шаг Николая, загоняя его на

роковой путь войны. Все, что ни делал Николай I, начиная с этого момента, становилось непоправимым.

В 1853 г. Николай предпринимает последнюю попытку изменить ход событий и посылает в Константинополь своего преданного царедворца, но довольно неуклюжего дипломата, князя Меншикова, поручив ему договориться с султаном так, чтобы, с одной стороны, поддержать престиж России, а с другой — избежать войны. Не понимая губительности своей политики, Меншиков решил в последний раз пугнуть турецкого султана и этим путем получить желаемое. А желали того, чтобы русский царь был признан покровителем всех православных турецких подданных. Николай, таким образом, должен был стать как бы «вторым султаном».

Стрэтфорд-Каннинг определенно заявил султану Абдул-Меджиду, что эти домогательства России нужно отклонить, и они были отклонены. Тогда Меншиков срывает флаг с русского посольства, забирает архивы и выезжает из Константинополя. Вслед затем Николай дает приказ войскам занять Молдавию и Валахию.

После нескольких месяцев напряженного состояния Турция объявляет России войну. Тотчас же, 18(30) ноября 1853 г., адмирал Нахимов нападает на военный флот Турции в Синопе и топит его. Это была блестящая победа русских.

Было много споров относительно того, нарушил ли Нахимов международное право или нет. Разумеется, никакого международного права Нахимов не нарушал. Перед ним был турецкий флот, который перевозил боевые припасы на восточное побережье Черного моря. Эти боевые припасы направлялись разными дорогами к Шамилю, вождю кавказских горцев, ведущих борьбу против России. Турецкий флот был вовсе не торговый, а настоящий военный флот, и Нахимов имел полное право напасть на него и пустить его ко дну, что он и сделал, несмотря на весьма небольшой перевес своих сил.

Известие о Синопе вызвало настоящую дипломатическую бурю в Европе. 29 января 1854 г. появилось письмо Наполеона III к Николаю, которое одновременно Наполеон приказал опубликовать в своем официальном журнале «Монитор». В этом письме он говорил, что гром синопской победы потряс как во Франции, так и в Англии всех, кто обладает чувством национальной чести, и что союзники Франции (т. е. турки) должны быть уважаемы всюду, куда достигают французские пушки. Он предлагал Николаю убрать войска из Молдавии и Валахии и начать переговоры с Турцией. Письмо было подписано: «Добрый друг вашего Величества Наполеон III». Николай ответил вежливым отказом и подписался таким же титулом.

Переписка монархов не остановила развития событий. Напротив, ускорила развязку. По приказу своих правительств английский и французский послы выехали из Петербурга, и в марте 1854 г. обе западные державы объявили России войну. Жребий был брошен, война началась, Стрэтфорд-Каннинг обмолвился тогда характерной для него фразой. Он с восторгом сказал: «Все-таки, значит, есть господь на свете».

* * *

С началом войны положение Турции стало особенно трудным. Армада английских и французских военных и транспортных судов подошла к берегам Османской империи. Более 340 англо-французских вымпелов появилось в турецких водах. Военный флот расположился сначала на якорях и в Дарданеллах, и в Босфоре, и за Босфором и со всех сторон держал столицу Турции под жерлами своих орудий. С этого момента нельзя уже было всерьез говорить о какой-нибудь турецкой самостоятельности.

Сохранившаяся кое-где в Европе враждебная Англии и Франции пресса иронически вспоминала по этому поводу один весьма давний исторический факт. Был такой случай, когда в 1204 г. крестоносцы, т. е. представители тех же западных держав, явились в Константинополь, чтобы «спасти» его, но неожиданно сами захватили город, прогнали византийского императора и целых 60 лет держали Константинополь в своих руках. Многие дипломаты в Европе и прежде всего сами турки опасались, что «освободительный поход» 1854 г. может оказаться повторением похода крестоносцев, что новые «избавители» спасут Константинополь от русских, но в качестве платы за оказанную услугу тоже возьмут его себе в собственность. Эта историческая параллель, казалось, была не лишена оснований.

Стрэтфорд-Каннинг с этого момента сделался главнейшим лицом в Константинополе. С турками он уже не считался, а просто периодически посылал султану указания о том, что тот должен делать. Перед англичанами встал другой вопрос: как быть с французами?

В XVI столетии испанский король, он же император Священной Римской империи, Карл V, обмолвился следующим афоризмом по поводу своих отношений с французским королем, Франциском I, с которым он воевал всю жизнь: «Мы с королем Франциском совершенно друг на друга похожи, мы одинаково горячо стремимся к одному и тому же, а именно — каждый из нас желает овладеть городом Миланом».

Такое же своеобразное «единодушие» царило между Стрэтфорд-Каннингом и французским послом в Константинополе Барагэ д'Илье. Оба они стремились к одному и тому же: фактически завладеть Турцией. Их отношения в конце концов накалились до такой степени, что Наполеон III, пригласив к себе во дворец английского посла лорда Каули, заявил: «В Париже и Лондоне мы с вами наилучшие друзья, но в Константинополе мы ведем войну между собой».

Когда стал снаряжаться турецкий корпус, султан имел в виду поставить его под командование маршала Сент-Арно. Из двух зол турки считали французов меньшим, хотя бы потому, что флот у них был меньше, да и Стрэтфорд-Каннинг успел уже показать туркам, что такое английское владычество. Барагэ д'Илье передал английскому адмиралу желание султана, чтобы турецкий корпус стал под французское верховное командование. Таким образом, союзное войско должно было состоять из двух частей — из английской армии под командованием лорда Раглана и французо-турецкой армии во главе с французским командующим Сент-Арно. Как только Стрэтфорд-Каннинг узнал о таком предположении, он заявил решительный протест и заставил турок отказаться от своего намерения. Сент-Арно был в бешенстве; но не мог же он начинать серьезную борьбу с англичанами, с «союзниками».

Помимо внутренних неурядиц, перед союзниками вскоре возникла неожиданность совсем иного порядка: в первые месяцы войны, когда объединенная англо-французская армада вошла в Черное море и направила свои действия прямо против русской армии, занявшей Молдавию и Валахию, почти все дипломаты Европы были уверены в быстром разгроме России. Но тут началось историческое чудо, получившее название обороны Севастополя. Произошла неожиданность, превратившая в прах девять десятых тех планов, с которыми союзники явились в Черное море.

Сначала союзники пристали к западным берегам Черного моря и высадились там. Постояв некоторое время и потеряв довольно много людей от злокачественной лихорадки, союзники к своему удовольствию, убедились, что русские вывели войска из Молдавии и Валахии. Пришлось решать вопрос, что делать дальше — уйти или воевать? Конечно, воевать. И Наполеону нельзя было бросать войну без эффектной победы, и Англии не хотелось оставлять столь удачно начатого дела.

Но в тот день, когда лорд Раглан и Сент-Арно собрались на совещание в Варне, чтобы решить, как вести дальше войну, между ними обнаружились коренные разногласия. Целых семь часов совещались представители французского и английского командования. Турок на совещании не было, видимо, за множеством дел союзники забыли их пригласить, но потом, к концу заседания, все же любезно сообщили им о его результатах.

На этом совещании англичане выступили с предложением: раз и навсегда покончить с русской угрозой, висящей над Европой, другими словами — над Англией. Для этого надо не выпускать Россию из войны, отнять у нее Кавказ до Минеральных Вод и Крым до Перекопа. Но и этого, по мнению англичан, было недостаточно. Они требовали урезать границы России на западе и на севере, изъять из ее власти Польшу и, главным образом, Финляндию; пока это не сделано — ничего не сделано. Таков был план, продиктованный Пальмерстоном, и Раглан был лишь передатчиком этого плана на варнском заседании.

Но Сент-Арно тоже имел определенные инструкции от своего правительства и отстаивал их не менее твердо. Наполеон III совершенно не стремился отнимать Кавказ у России. Он понимал, что такое ослабление России будет на руку одним лишь англичанам. У Наполеона III были свои династические соображения, ради которых он ввязался в войну. Восстановить Польшу Наполеон был бы не прочь, но он не настаивал на этом, прекрасно понимая, что и в этом предприятии Англия окажется в роли страны, ведущей войну чужими руками. Польша не граничила с морями, Англия не послала бы туда ни одного своего матроса и воевать за восстановление Польши пришлось бы одним французам.

Итак, французы отказались поддержать далеко идущие планы Англии. Англичане настаивали на разрушении укреплений Одессы и Николаева, на бомбардировке и уничтожении всех поселков кавказского побережья, но Сент-Арно предложил ограничиться лишь разрушением Севастополя. Французам удалось отстоять свое предложение. Не без оснований они указывали, что Франция послала на войну настоящую армию, а Англия, как иронизировали французские солдаты, какую-то «ошипанную бригаду»; естественно поэтому, что решающий голос в военных делах должен был принадлежать французам. Если бы турки не были «забыты» во время этого совещания, они, без сомнения, поддержали бы французов, а не англичан, потому что главным страшилищем для Турции был русский флот, имевший свою основную базу в Севастополе.

Началась знаменитая одиннадцатимесячная оборона Севастополя. Этот порт на берегу Черного моря только именовался крепостью. Англичане и французы, которые уже за десять лет до войны посылали в Севастополь своих шпионов, прекрасно знали, что город почти беззащитен.

В сентябре 1854 г. союзники высаживаются около Евпатории. Армия Меншикова стремится преградить им путь, но вынуждена отойти после битвы у Альмы под давлением значительно превосходящих сил. Был момент, когда почти беззащитный Севастополь мог оказаться под ударом 60-тысячной армии союзников. Если бы союзники в этот момент пошли прямо на Севастополь, они взяли бы его безусловно. Эта крепость была защищена с севера лишь тем, что сами русские генералы называли «стенкой в три кирпича». К тому же над этой стенкой господствовала возвышенность и город лежал перед врагом открытый, как на ладони. Но союзники совершили большую ошибку. Вместо того, чтобы двинуться прямо к Севастополю, они направились в обход, подошли к городу с южной стороны и начали правильную осаду.

За этот срок в Севастополе развернулась изумительная, лихорадочная работа под руководством Корнилова, Тотлебена, Нахимова, Истомина. Героические защитники Севастополя буквально в несколько недель перестроили всю оборону города и создали крепость заново. Здесь необходимо отметить участие в обороне тех, про кого обычно забывают исто-

рики, хотя о них с нескрываемым изумлением говорили сами враги—англичане и французы, начиная с французского маршала Канробера. Они заявляли, что «великий Тотлебен» (Le Grand Tottleben, как они всегда называли его) не сумел бы преобразовать крепость, если бы в распоряжении у него не было таких героев, как севастопольские портовые рабочие. Один из французских офицеров, сражавшихся под Севастополем, писал в своих письмах о том, как русские рабочие, одетые в лохмотья, каждую ночь поправляли брустверы и работали под огнем с таким бесстрашием, с каким могут вести себя разве только отборные гвардейские части во время атаки.

Вот эта неожиданная для союзников самоотверженность севастопольских рабочих, матросов и солдат сделала то, что было названо севастопольским «чудом». Уже через три-четыре недели попытка взять Севастополь штурмом обошлась бы союзникам слишком дорого. Им пришлось начать правильную осаду, которая затягивалась все дольше и дольше.

В мой план не входит обзор военных действий Севастопольской кампании. Достаточно сказать, что героическая защита крепости длилась почти год и отличалась невиданным упорством. В первые же месяцы осады, когда наступила зима с холодом, со снежными заносами, сменявшимися внезапной оттепелью и проливными дождями, с холерой и кровавым поносом, в Париже стали даже подумывать о снятии осады, и только энергичный нажим англичан заставил французов, дороживших своей военной репутацией, продолжать начатое дело. Осада продолжалась.

Когда 18 февраля 1855 г. умер Николай I, в первый момент все думали, что наступил конец войны; но он не наступил — и не только потому, что Александр II не захотел сдавать Севастополя, а союзники не хотели без этого заключать мир. От сдачи Севастополя отказались прежде всего русские матросы и солдаты, и перед этой силой отступил даже всемогущий русский командующий Меншиков, а за ним его преемник — Горчаков. Меншиков еще осенью 1854 г. прямо писал в Петербург, что, может быть, следует подготовить население к сдаче Севастополя, но неловко об этом говорить, неловко обескураживать армию и жителей. Вернее сказать, Меншикову было не только неловко, но страшно говорить об этом солдатам и рабочим. Он, конечно, знал, что матросы называли его «Изменшиковым» и что солдаты на его приветствие: «Здорово, ребята» или совсем не отвечали, или отвечали такими междометиями, в которые ему лучше было не вслушиваться. Вот эти матросы и солдаты во главе с такими героическими командирами, как Тотлебен, Нахимов, Корнилов, Истомин, и создали непреодолимую оборону города.

Осада продолжалась все лето 1855 г. Наполеон III, недовольный медлительностью, сменял главнокомандующих и посылал им одну телеграмму за другой с требованием как можно скорее кончить дело. Он до такой степени вмешивался во все своими телеграммами, которые от Варны до французского лагеря шли по подводному кабелю, что однажды новый командующий Пелисье в раздражении воскликнул: «Когда же русские догадаются найти наконец этот кабель и перерезать его!».

В самом лагере союзников отношения между англичанами и французами все больше обострялись. Время от времени военные действия прекращались для того, чтобы можно было подобрать раненых и похоронить убитых. Во время этих перемирий французы довольно оживленно беседовали с русскими и не особенно лестно отзывались о своих союзниках. Так же отзывались об англичанах и пленные турки, среди которых было немало перебежчиков в русский лагерь. Многие из них откровенно заявляли о причинах своего бегства. Они указывали, что англичане бьют их хлыстами, ремнями и палками и что даже турецких офицеров не допускают к английскому столу. Вообще англичане обращались с турками, как с низшей расой.

Нужно было решаться на штурм. И Раглану и Пелисье было хорошо известно, какие отношения существуют между их солдатами и как французы ненавидят англичан за то, что Англия явным образом дурачит французское правительство. Чтобы несколько укрепить слишком слабые товарищеские чувства между французскими и английскими солдатами, решено было готовящийся штурм приурочить к 40-летней годовщине битвы при Ватерлоо, когда французы и англичане в последний раз выступали как враги друг против друга.

6 (18) июня 1855 г. и был произведен штурм Севастополя, отчаянный штурм по храбрости осаждающих и героизму осажденных. Штурм был отбит русскими на всех участках. Это была блестящая победа, неслыханная в истории осадных войн. Неудача штурма произвела огромное впечатление во всей Европе и заставила союзников искать новые пути для победы.

В начале войны Англия и Франция не стремились привлекать союзников. Добыча казалась легкой, и не было смысла увеличивать число участников будущего дележа. Но когда оказалось, что при всех ошибках, сделанных русским командованием, севастопольские матросы и солдаты не желали сдаваться, решено было самым экстренным образом искать новых союзников. Весной 1855 г. нашли союзника в лице Сардинского королевства. Но этого было недостаточно.

Пальмерстон настаивал на том, что необходимо приступить хоть к частичному выполнению его грандиозного плана «большой войны» против России, необходимо отвлечь внимание России в сторону севера, оторвать от нее Финляндию. Пальмерстон выставлял необходимым условием дальнейшей войны вовлечение в союз Швеции и готов был обещать последней за это всю Финляндию.

* * *

Здесь мы вступаем в область, где история и современность теснейшим образом связываются. Если рассказывать подробно о том, что творилось в Стокгольме до и после падения Севастополя, может показаться, что дело идет не о середине прошлого века, а о несравненно более близких к нам днях. Но дипломатическая история становится известной в своих подробностях только лет через 50—60, да и то не всегда. Покойный Клемансо говорил о генералах, которых он обвинял в безголовье: «Они всегда во время мира готовятся не к будущей войне, а к той, которую они только что проиграли». Подобным образом и некоторые дипломаты 1940 г. действуют так, как им казалось нужным действовать в 1855 г.

В Швеции того времени обстановка была несколько своеобразна, и о ней нужно напомнить, прежде чем начать говорить о действиях английской и французской дипломатии в Стокгольме.

Экономическое положение Швеции, ее промышленность и торговля не создавали непосредственных стимулов для войны с Россией. Но среди шведской аристократии и крупной буржуазии существовали группы, находившиеся под властью определенных тенденций и традиций, которые (так, по крайней мере, думал Пальмерстон) должны были сыграть в этом деле решающую роль. Чтобы понять умонастроение Швеции, нельзя забывать, что в ту пору у нее еще не зажила рана, нанесенная ей Петром I. После того величия, которое шведы пережили в XVII в., гордые и неприступные на своем полуострове, вдруг наступила катастрофа. Полтавский разгром навсегда лишил Швецию ее бывшего могущества, и правящая верхушка шведского общества еще не могла с этим примириться.

Когда Екатерина II воевала с турками в 1790 г. и шведам казалось, что можно захватить Петербург, они на это не решились. Мелькнула была такая мечта и сразу погасла. Потом появился Наполеон, и в огне разгоревшихся войн некоторые неудачливые государства, и Швеция

в том числе, пытались вернуть некогда утраченное. Но шведы, как выразился впоследствии один из английских публицистов, «поставили ставку на худую лошадь». Они слишком понадеялись с самого начала на Англию, которая подстрекала их к сопротивлению Наполеону. Чем больше Англия обманывала шведов, тем доверчивее они становились. Дело кончилось тем, что Александр I примирился с Наполеоном в Тильзите и Наполеон предоставил ему возможность завоевать всю Финляндию, что Александр, конечно, и сделал. На отчаянные призывы шведов Англия ответила выражением горячего сочувствия, но ни малейшей помощи не оказала.

Потеря Финляндии была новым страшным потрясением, с которым правящие шведские круги не могли примириться. Правда, Александр I, как искусный дипломат, старался умиротворить шведов. Известно, что был заключен союз между Швецией и Россией, в результате которого Швеция получила Норвегию помимо воли последней.

В русско-шведских отношениях как будто наступило некоторое умиротворение. Но вот начинается Крымская война. Английский и французский флоты высаживают десант на Аландских островах. Вслед затем в 1855 г. французский маршал Канробер, бывший главнокомандующий в Крыму, является в Стокгольме с группой французских и английских агентов как официальный представитель Наполеона III.

Весьма знаменательно, что Пальмерстон воздержался от посылки в Стокгольм своего официального уполномоченного. Что только ни делал Наполеон III, чтобы заставить его тоже послать в Швецию официального представителя, но Пальмерстон каждый раз уклонялся от этого под разными благовидными предлогами. В этом отношении Пальмерстон совершил одну ошибку, которая свойственна многим даже умным людям: он слишком преувеличивал глупость своих партнеров. Напрасно он думал, что министры Наполеона III не понимают, в чем дело. Они понимали, что Англия хочет толкнуть Швецию на северную авантюру в Финляндии, но не хочет при этом формально обязываться перед Швецией ни в чем.

При английском министерстве иностранных дел всегда существовали и теперь существуют кадры неофициальных, но чрезвычайно опытных и дельных агентов, которые хотя не числятся на государственной службе, но получают различные инструкции и проводят их в жизнь, оставаясь «частными людьми». Такие люди берут на себя самые щекотливые и деликатные поручения; и такие-то люди во множестве появились в Стокгольме с одним заданием — втянуть Швецию в войну.

В разгар этой подспудной дипломатической возни произошло долгожданное событие — после нового кровавого штурма русские оставили Севастополь (27 августа 1855 г.) и разрушенный город был занят союзниками. Но сдача Севастополя не походила на поражение. Русские вовсе не спешили заключать мир. Перед союзниками стал вырисовываться грозный призрак тяжелой, затяжной войны. Вот почему казалось особенно важным поторопить Швецию с выступлением.

Шведский король Оскар принял Канробера с благосклонностью, но при этом заявил, что Швеция может выступить лишь при двух условиях. Во-первых, предварительно должна быть отнята у русских Польша. Во-вторых, Англия и Франция должны высадить на шведском берегу армию в 50—60 тыс. человек. При таких условиях Швеция соглашалась выставить такое же количество солдат с тем, чтобы эта объединенная армия заняла Финляндию. Мало того, шведский король требовал, чтобы его финансировали в этой войне, а также дали специальные гарантии на обладание Финляндией. Король Швеции при этом говорил, что «поскольку Петербург находится в русских руках, постольку и принадлежность Финляндии к какому-либо государству, кроме России, будет эфемерной, если она не будет гарантирована великими державами».

Эти требования Наполеон III находил неприемлемыми. Франция не хотела давать Швеции ни армии, ни гарантий. Англия же горячо сочувствовала требованиям шведов, но с той оговоркой, чтобы и армию и гарантии дала именно Франция... Правда, неофициальные агенты Пальмерстона успокаивали шведского короля, говоря, что Англия может прислать большой флот. Но шведы справедливо указывали, что этот флот будет бесполезен, потому, что русские суда просто укроются в Кронштадте. В ответ на это неофициальные агенты разъяснили, что английский флот, может быть, и не примет прямого участия в военных действиях, но он будет «символизировать» горячее участие английского народа.

Французские дипломаты во главе с Канробером считали, что их миссия не удалась, но английские частные агенты только тогда и развили свою деятельность. Они начали действовать в низах буржуазии. Они повели демагогические разговоры, указывая, что бывают моменты, когда монархия не соответствует народным интересам, и что Англия, которая, как известно, всегда была поборницей свободы, будет сочувствовать могучему народному порыву, если Швеция пойдет воевать с Россией. Поэтому, мол, необходимо произвести нажим на короля Оскара I.

И в самом деле, в Швеции началось серьезное брожение умов. Студенческие манифестации в Стокгольме и Упсале показали, что агитация проникает вглубь. Шведское правительство решило пересмотреть свои суждения и по собственной инициативе возобновило было переговоры. А с английской стороны попрежнему твердили, что Англия выставит флот и будет ограждать шведские порты, но армию пусть присылает Наполеон III.

В конце концов переговоры зашли в тупик, и чтобы они не кончились совершенным провалом, решено было заключить договор. Этот договор гласил, что в случае нападения со стороны России на Швецию шведы обязуются не уступать русским ни одного клочка своей территории, а союзники обязуются помочь им в войне. Этим ничтожным договором, который не имел по существу никакого смысла, и закончилась дипломатическая авантюра в Швеции.

* * *

После падения Севастополя Наполеон III явно не хотел продолжения войны. Он знал, что Россия имеет еще огромные материальные возможности и что война уже не сулит для Франции никакой новой славы. Теперь противоречия между союзниками выступили с особой силой. Пальмерстон жаждал продолжения войны. Он считал, что только теперь можно изгнать Россию с Кавказа. Но Наполеон III решительно не желал этого. Когда в английской прессе стали упрекать Францию чуть ли не в измене, в Париже был сделан намек, что если англичанам так хочется воевать на Кавказе, пусть они воюют с Россией один на один. Никто им не мешает.

Наступил, наконец, момент, когда Наполеон III определенно пожелал заключить мир, и с весны 1856 г. начались переговоры. Когда Пальмерстон ясно увидел, что французский император не желал больше воевать, он написал в письме своему брату знаменитую фразу: «После Севастополя над нами повисла не угроза войны, а угроза мира. Опасность для нас теперь только начинается». «Опасность мира» — весь Пальмерстон в этой фразе. Он увидел, что разрушается почти все, что он замыслил.

25 февраля 1856 г. в Париже собрались уполномоченные по мирным переговорам. Здесь с первого же момента, к восхищению представителя России графа Алексея Федоровича Орлова, оказалось, что Наполеон III всячески саботирует те условия, которые выдвигаются англичанами. Наполеон приглашал обычно Орлова к себе на обед, а затем удалялся с ним в кабинет и там говорил заранее, на что соглашаться и на что не соглашаться. Говорил, конечно, лишь туманными намеками, но Орлов по-

нимал все, что ему важно было понять. Англичане требовали, например, разрушения порта в Николаеве. Наполеон III дал понять Орлову, что он не будет этого поддерживать. На другой день на официальном заседании конференции английский уполномоченный, заранее уверенный в поддержке французов, выдвигает это требование. Но Орлов, конечно, не соглашается, а представитель Франции беспомощно разводит руками, давая понять, что ничего тут не поделаешь ввиду свойственного русским упрямства.

Таким образом, отпадало одно условие за другим. Английская пресса определенно обвиняла Францию в измене, заявляла, что французский император в решающий момент совсем забыл, повидимому, против кого он воевал и с кем в союзе. Конечно, Наполеон вовсе этого не забыл. Он только учитывал, что Россия уже ослаблена, цель войны достигнута, а теперь надо стараться ослаблять не Россию, а прежде всего Англию.

Потери, которые Россия понесла по Парижскому миру, заключенному 30 марта 1856 г., были в сущности довольно ничтожными: клочок земли на Дунае и эфемерное запрещение иметь свой флот на Черном море, запрещение, которое было официально отменено Александром II в порядке одностороннего волеизъявления уже в 1870 г. Вот к каким мелочам свелись грандиозные планы Англии — отнять у России Кавказ до Минеральных Вод, Крым до Перекопа, Финляндию, Польшу и Прибалтику... Все это рассеялось, как дым, и рассеялось не только в силу противоречий между союзниками, не только потому, что англичанам не удалось на этот раз извлечь из чужой крови капитал для своих карманов, но прежде всего потому, что русские солдаты при всех пороках николаевского режима не пожелали сдаваться интервентам и проявили подлинный героизм, который оказался неожиданностью для врагов России. Героизм русского народа, который беспощадно обкрадывали и эксплуатировали, который воевал зимой без теплой одежды, заставил впоследствии французского главнокомандующего Канробера воскликнуть: «Что за люди были эти русские матросы, солдаты и рабочие, копавшие землю у бастионов: они умирали с совершенной беззаботностью! Из 16 тыс. матросов осталось к концу осады 800 человек. Когда их перебили — Севастополь пал».

И действительно — союзникам пришлось перебить почти всех защитников Севастополя, прежде чем они овладели городом. Это неожиданное героическое сопротивление русских солдат, матросов и портовых рабочих было тем коренным фактом, который изменил все намерения союзников, спутал все их планы и спас Россию от тяжелых потерь и унижений.

